

НА ПОЛЯХ ДВУХ КНИГ...

Константин СИМОНОВ

Заметки и выпуски

Начну с книги «Октябрьская революция перед судом американских сенаторов», вышедшей у нас в Госиздате в 1927 году и содержащей протоколы заседаний так называемой «Оверманской комиссии» сената Соединенных Штатов, заседания которой происходили в Вашингтоне тогда же, в феврале—марте 1919 года, когда в Петрограде проводилась Всероссийская музейная конференция. «Оверманской» эта комиссия называлась по имени своего председателя, сенатора Овермана. Создание этой комиссии было связано со страхом перед тою правдою, которую на собраниях и митингах рассказывали о происходившем в Советской России вернувшиеся из нее прогрессивные американцы. Этих людей пытались запугать и облыжно обвинить их в попытках насильственно изменить государственный строй Соединенных Штатов. Заодно доставалось и тем американцам, которые просто-напросто считались с реальностью существования Советской власти и, начав с борьбы против нее, теперь рекомендовали идти с ней на мировую.

Против тех и других комиссия двинула в бой сводную команду зоологических ненавистников советского строя, начиная от бывших революционеров и бывших послов и кончая мелкими доносчиками. Словом, это был один из первых «процессов ведьм», традиция которых впоследствии была продолжена сенатором Маккарти и его комиссией по расследованию антиамериканской деятельности.

А если говорить о наших днях, то в протоколах заседавшей пятьдесят восемь лет тому назад «Оверманской комиссии» сената содержатся некоторые исторические уроки, на мой взгляд, представляющие особый интерес именно сегодня.

Я думал, как бы покороче изложить в газетной статье выписки из этих протоколов. И, в конце концов, решил пойти по стопам некоторых наших театров и смонтировать все это в маленькую документальную пьесу, где мне самому принадлежат только ремарки и знаки препинания, а все остальное взято из подлинного текста.

Итак:
Время действия—февраль—март, 1919 год.

Место действия—Вашингтон.

Действующие лица допрашивающие: сенаторы Оверман, Кинг, Уолкот, Нельсон, Стерлинг и майор Юмс.

Действующие лица отвечающие (в порядке их появления на сцене): Р. Э. Симмонс — торговый комиссионер в России; Д. Фрэнсис — б. посол США в России; А. Саймонс — настоятель методической церкви в Петрограде; Р. Ф. Леонард — б. вице-консул США в Петрограде; Е. Брешковская — эмигрантка; Р. Робинс — майор, член, а затем глава миссии Американского Красного Креста в России; Л. Брайент — журналистка; А. Рис Вильямс — журналист; Ф. Криштофович — эмигрант, б. чиновник министерства земледелия; Д. Рид — журналист; Р. Б. Деннис — представитель ассоциации христианской молодежи в России.

Симмонс (сразу, как это свойственно бизнесмену, беря быка за рога). Они уничтожили всякое право собственности и беззастенчиво заявили: вам больше не нужно вносить квартирную плату домовладельцам, потому что ваша квартира принадлежит государству. И действительно, вся квартирная плата, кроме взимаемой государством, была отменена! (Теряет дар речи от возмущения.)

Фрэнсис (приходя ему на помощь). Они национализировали там всю промышленность. Рабочие сами определяют собственное жалованье и делают работы. Большевики не заслуживают признания, не заслуживают даже деловых сношений.

Саймонс (не путать с Симмонсом — тот торговый комиссионер, а это лицо духовное). Большевики выработали новую схему управления, регулирующую решительно все моменты социально-экономической жизни человека. Порой мы впадали в такое нервное состояние, что не знали, чего можно ожидать в ближайшем будущем. В то время как нам обычно приходилось платить три рубля в год собачьего налога, у нас было два английских фокстерьера, которые превосходно несли полицейскую службу, при большевиках нам надо было внести по 59 рублей за каждую собаку. (Плачет.)

Симмонс. Наиболее постыдным фактом, джентльмены, является национализация женщин. (Плачет.)

Сенатор Нельсон (демонстрируя свое знание русской литературы). Этот человек, которого они привлекли в свою шайку, если я не ошибаюсь, его зовут Максим Горький, уже достиг последней степени безнравственности.

Леонард. Там была большая радость, когда он вернулся в их шайку.

Сенатор Нельсон. Он достаточно развращен, чтоб заразить всю большевистскую массу?

Леонард. Не думаю, чтоб их нужно было еще заражать.

Сенатор Оверман. Но они радовались, когда он вернулся?

Леонард. Да, сэр. Сенатор Нельсон. Насколько мне помнится, он некоторое время был здесь в Нью-Йорке и с позором покинул Америку, ибо американцам не понравилось, что он привез с собой незаконную жену. Они не верят в брак, потому что в него верит капиталистический класс, не так ли?

Леонард. Да, сэр.

Сенатор Стерлинг (очевидно, считая, что вопросы нравственности уже достаточно выяснены и пора перейти к проблемам более, на его взгляд, существенным). Есть ли какая-нибудь возможность для Америки помочь России в промышленном отношении, пока правят большевики?

Брешковская (возмущенно). Пока правят большевики? Пригласите ли вы нас сесть за один стол с преступниками и вести с ними деловые переговоры? (Распалаясь.) Они убивают и обманывают всех, в особенности честных людей. Честные и интеллигентные люди в России истреблены. (Распалаясь еще больше.) Всякий мужчина и всякая женщина, которые по их предположению против них, расстреливаются или погибают на виселице.

Фрэнсис (стремясь не отставать в своем правдолюбии от Е. Брешковской). Они установили царство террора. Они убивают всякого, кто носит белый воротничок, кто получил образование или кто — не большевик.

Робинс (сообщение об убийстве всех, получивших образование и носящих белые воротнички, наводит его на воспоминание о Петрограде и о другой, еще более глобальной идее террора, которую в его присутствии развивал там на совещании в Американском Красном Кресте английский генерал Нокс). Генерал Нокс попросил слова и стал говорить о слабости Временного правительства, промахах Керенского, его некомпетентности... Ему-де следовало перестрелять большевиков, а так как их было, вероятно, несколько миллионов, то это было совсем нетрудным делом!

Брешковская (с упреком). Я писала вашему посольству в России, что, если бы вы оказали нам поддержку в виде пятидесяти тысяч хороших солдат вашей армии, большевики были бы свергнуты!

Симмонс. Позднее, когда вы будете читать о последних делах в истории последних лет, вы увидите, что нашими войсками в северной России были совершены величайшие акты героизма.

Сенатор Нельсон. Не думаете ли вы, что все русское

население симпатизирует оккупантам и готово помогать?

Симмонс. Несомненно! Сенатор Оверман (вспомнив о Брешковской). Она говорит, что народ молит нас о помощи...

Брайент. Я думаю, что она старая женщина, с великим прошлым и жалким настоящим. Что бы вы сказали, если б кто-нибудь отсюда отправился в Россию и просил послать сюда армию?

Сенатор Оверман (с долей горечи). Вы не очень-то уважаете старую леди?

Брайент. Я думаю, что она не разбирается в событиях. Мне хотелось бы рассказать вам один эпизод с Чичериным, комиссаром иностранных дел: в то время как Брешковская скрывалась в Москве, туда прибыл из Нью-Йорка один еврейский журналист. Первое, что он сказал Чичерину, было: — Можете ли вы мне указать, где находится Брешковская? В Америке распространяют слухи, будто она убита. — Чичерин ответил: — Она живет в конце улицы, очень недалеко отсюда. Но не говорите, что мы это знаем, чтобы не огорчать старую леди. Она воображает, что мы хотим ее убить, и будет гораздо спокойнее, если она будет предполагать, что мы не знаем, где она живет. Если она захочет покинуть Россию, мы закроем на это глаза.

Брешковская (ничего и ничего не слушая, гнет свое). Все то, что мы имели, большевики продали немцам! Таким образом, все наши национальные богатства, наши лучшие произведения искусства и другие ценности перешли в Германию. Все это было послано в Германию и ничего не оставлено для народа!

Сенатор Оверман. Согласны ли вы с тем, о чем здесь говорили, а именно, что 85% русского народа невежественны, как дети?

Вильямс. Думаю, что, вероятно, не более 50% русского народа умеют читать и писать, но я считаю, что русские обладают незаурядными умственными способностями.

Криштофович (в душе тоже не соглашаясь, что русские невежественны, как дети, и даже, напротив, полагая, что они слишком увлекаются чтением вредных сочинений). Все выпущенные ими денежные знаки не должны приниматься ни одним банком в мире. Вот первая подпорка, которую нужно у них отнять. Другая — это бумага. Они ведут замечательную пропаганду, их пропаганда превосходно организована. В провинции разослали тысячи брошюр и листовок для распределения среди крестьян и рабочих, и эта литература делает свое убийственное дело. Я думаю, что Америка достаточно сильна, чтоб лишить большевиков этой бумаги!

Д. Рид. Правительство России чрезвычайно практично: оно великолепно понимает, что капиталиста игнорировать невозможно. Большевики знают, что, если капиталисты не нападают на них с оружием в руках, они сделают это с помощью капитала.

Робинс (иллюстрируя, как это на деле происходит). Мы предполагали захватить в свои руки бумажный рынок в России и уничтожить большевистскую прессу. На фронте печаталось очень много листовок, которые мы хотели задушить, чтоб создать вместо них ряд газет для солдат и поставить на ноги несколько боевых печатных органов со здоровой идеологией. Это дело мы хотели проводить через комитет, известный под названием комитета Брешковской... Мы доставили двенадцать миллионов рублей, эти двенадцать миллионов рублей получились из кармана Вильяма Б. Томпсона, из его личного состояния. Это и есть те деньги, о которых в Америке кричали, будто они истрачены на большевиков. Вильям Б. Томпсон никогда не истратил ни одного доллара на большевиков, но истратил не один миллион долларов из собственных

средств, чтоб сделать попытку воспрепятствовать большевикам захватить власть над Россией. Никто не был так лоялен по отношению к правительству Керенского, никто так много не истратил на него денег своих личных, частных средств, как полковник В. Б. Томпсон. Все мы в Красном Кресте сделали для Временного правительства все, что было в наших силах. Теперь мы больше не хотели оставаться в состоянии самоблуда. Мы были в этом вопросе единодушны и сказали: — Все прошло! Мысль, что Керенский может собрать где-нибудь армию и вернуться для борьбы с Советской Россией, — это чушь! Мы глядели на положение иначе. Мы смотрели на большевиков, как на действительную власть в России.

Сенатор Уолкот (подозрительно). Известны ли вам какие-либо агенты, распространяющие большевистскую пропаганду в Америке?

Брешковская (окончательно зайдя в истерику). Я слышала о них! Я слышала, что у вас три миллиона русских большевистских эмигрантов!

Сенатор Оверман. Знаете ли вы что-нибудь об их попытках перенести пропаганду в нашу страну?

Деннис (деловито, как и положено человеку, исполняющему его обязанности). Полагаю, что имеющаяся у меня информация уже находится в руках правительства, получившего ее из других источников, но стоит пойти на митинг, как я это сделал в городе Чикаго, чтобы исчезло всякое сомнение в том, что здесь одобряют русские методы и стремятся перенести их в нашу страну. Там был американский рабочий лет около пятидесяти, который сидел рядом со мной и с которым я беседовал довольно много. Это был хорошо одетый, по-видимому, квалифицированный рабочий. Мне впервые пришлось разговаривать с такого рода человеком, я должен сказать, что легче было бы вбить гвоздь в цементную глыбу, чем вложить какую-нибудь мысль в голову этого субъекта. Никогда я не видел большей ненависти, чем та, которую питал этот человек к капиталистическому классу.

Сенатор Уолкот. Он был по национальности американец?

Деннис (скорбно). Да, сэр. Сенатор Оверман. Какова была цель митинга?

Брайент. Нашей целью было выразить протест против интервенции в России. Я полагаю, что мы должны отозвать наши части из России и что в интересах обеих наций было бы восстановление дружеских отношений.

Сенатор Нельсон. Вы стремитесь к укреплению большевистской власти в России?

Брайент. Я думаю, что решить это должны сами русские.

Вильямс. Запомните, что врагам Советской власти вовсе не вредят, как они утверждают, беспорядки в России. Им вредит царящий там порядок. Я пытался доказать, что в Америке информация о России обычно черпается из кругов, близких к тем пяти процентам русского народа, которые враждебно относятся к революции. Я вполне согласен допустить, что этим людям много пришлось страдать. Но пришел сюда, чтоб выразить настроение остальных девяноста пяти процентов русского народа.

Я опустил занавес в этой маленькой, смонтированной мною из документов, пьесе после слов Альберта Риса Вильямса, не только тогда, но и сейчас, по-моему, быющих в самую точку.

Когда я встретился с ним в Америке в 1960 году, меня поразили и сила, и постоянство убеждений этого — в любую погоду и при любом политическом климате — неизменного друга нашей страны и нашего народа.

В моем представлении покойный ныне Альберт Рис

Вильямс — один из тех не-сгибаемых-благородных людей, которыми в нашем ломаном и крученном XX веке вправе гордиться Америка.

Когда я видел Вильямса, я еще не читал его показаний перед «Оверманской комиссией»; сейчас, когда я их прочел, они с новой силой и свежестью чувств напомнили мне о встречах с ним.

Однако в заголовке статьи упомянуты не одна, а две книги. Несколько слов о второй. Книга эта «Гражданская война в Сибири и Северной области», вышедшая у нас в 1927 году, содержит среди прочего раздел «Из истории интервенции», где мое внимание привлекли показания — тогда молодого дипломата, а много лет спустя — первого американского посла в России — Буллита; он давал их в сентябре 1919 года перед сенатской комиссией по иностранным делам и читал на ней свой отчет о поездке в Россию, представленный им еще в марте 1919 года, то есть в том месяце, когда еще продолжала заседать «Оверманская комиссия».

Буллит отнюдь не был другом Советской власти, да и не выдавал себя за такового. В частности, в выводах своего отчета, выступая против блокады, он без всякого стеснения писал: «Если блокада будет снята и Сов. Россия будет регулярно снабжаться всем необходимым, то русский народ можно будет крепче зажать в руках, чем с помощью блокады, а именно с помощью страха прекращения снабжения».

Однако, оставляя такие или подобные им выводы на совести Буллита, чья политическая карьера была достаточно зигзагообразна, надо вполне определенно сказать, что в ту пору, весной 1919 года, Буллит, собирая для отчета факты и давая конкретные оценки происходящим в Советской России переменам, в том числе и переменам в области культуры, стремился оказаться поближе к истине. Он не конструировал угодливой, заранее заданной фантастической информации и не швырял ее в топку бушевавшей тогда в Соединенных Штатах антисоветской истерии, плодом которой стала «Оверманская комиссия», а пробовал осведомить свое правительство о действительном положении вещей с тем, чтобы оно на основе реалистических оценок могло прийти к тем или иным, но во всяком случае реалистическим выводам.

Наиболее интересной мне представляется та часть отчета Буллита, в которой он, описывая весну 1919 года в России, ведет речь о морали, образовании и культуре. Вот эта страница из его отчета: «...Революция оставила в неприкосновенности семейную жизнь, несмотря на утку относительно национализации женщин. Никогда в России уважение к женщине не было так высоко, как теперь. Театры оперы и балета работают, как в мирное время. Во всех частях России открыты тысячи новых школ, и Советское правительство, по-видимому, в полтора года сделало больше для просвещения народа, чем царизм за пятьдесят лет. Что касается театров оперы и балета, то их единственное отличие от прежнего заключается в том, что они находятся под управлением комиссариата просвещения, который предпочитает классиков и смотрит за тем, чтобы рабочие — и мужчины, и женщины, и дети — имели возможность посещать представления и чтобы они предвзято не знакомились с содержанием и красотой произведения. Достижения Народного комиссариата просвещения, руководимого Луначарским, очень значительны: все русские классики переизданы в количестве от трех до пяти миллионов экземпляров и продаются населению по низким ценам. По всей России открыты тысячи новых школ как для детей, так и для взрослых. Кроме того, во многих бывших дворцах устроены рабочие, сол-

датские клубы, где читают для населения лекции с туманными картинками. В картинных галереях можно встретить рабочих — мужчин и женщин, которым объясняют красоту живописи...».

Да, надо признать, что молодой дипломат, говоря о культурной жизни в Советской России, держался в своем отчете куда ближе к истине, чем нисколько не озабоченный ее поисками посол Д. Фрэнсис, автор исторической фразы об убийстве всех, получивших образование.

Один из сенаторов спросил Буллита, удалось ли ему опубликовать свой отчет о поездке в Советскую Россию.

«Я попытался это сделать», — ответил Буллит, — я пригласил для печати статью, основанную на моем отчете и излагающую факты, и передал ее в комиссию для издания. Но ни один из членов комиссии не решился взять на себя ответственность за опубликование. И статья была передана президенту. Последний не пожелал ее обнародовать. Он думал, что лучше держать все это в тайне...»

Впоследствии отчет Буллита был опубликован. Иначе мы, разумеется, не могли бы его и прочесть.

Но опубликован он был именно впоследствии, а не в тот момент, когда его появление могло дать аргументы в руки противникам антисоветской истерии — в первый, но отнюдь не в последний раз сотрясавшей тогда Соединенные Штаты.

И хотя Альберт Рис Вильямс, давая показания перед «Оверманской комиссией», еще ничего не знал об истории с отчетом Буллита, но так и кажется, что он имел в виду нечто подобное, когда, отвечая расспрашившему перед ним разным юридическим западням и капканам майору Юмсу, заявил напрямик:

«Позвольте мне теперь ответить майору Юмсу. Он говорит, что в нашей стране господствует демократия. Это хорошо в теории, но как это осуществляется на практике? На деле это осуществляется таким путем. Люди, имеющие крупные деньги, обладают абсолютным контролем над печатью, в значительной степени имеют контроль над преподаванием в школах и в еще более широкой степени осуществляют контроль над законодательством. Другими словами, общественное мнение фабрикуется маленькой группой, которая желает навязать народу известные мнения, известные идеи и известное мировоззрение.

Ваше расследование, — добавил он впоследствии, — обращаясь ко всей «Оверманской комиссии», — если оно доберется до корней, обнаружит, откуда получает свои средства так называемое русское информационное бюро, ведущее ожесточенную пропаганду против Советов; как оно эти средства тратит и кто его агенты».

Мне остается без обиняков сказать, почему я свел под крышу одной статьи эти две книги.

Сделать это меня, писателя, заставили возникшие в последнее время политические обстоятельства — происходящее сейчас и имеющее своим эпицентром Соединенные Штаты Америки, давно невиданное по масштабам антисоветское землетрясение, приуроченное его организаторами к 60-летию Советской власти.

Вот почему именно по этой политической причине я и взял две книги, где так или иначе говорится о первых шагах этой Советской власти и где очень многое особенно злободневно в свете некоторых речей и действий и нынешних эмигрантов, как добровольных, так и изгнанных из СССР, и нынешней американской администрации, вновь, на шестидесятом году Великой Октябрьской революции, предъявляющей к моей стране претензии, граничащие с прямым вмешательством в ее внутренние дела.